

**Феноменология сатиры в современном литературном процессе:
контаминация жанров**

Михаил Валерьевич Покотыло

Ростовский государственный университет путей сообщения, Российская Федерация
344038, г. Ростов-на-Дону, пл. Ростовского Стрелкового полка Народного ополчения, 2
Кандидат филологических наук
E-mail: mihail.pokotylo@yandex.ru

Аннотация. В статье с позиций концепций М.М. Бахтина и Д.С. Лихачева феномен сатиры интерпретируется на примере произведений В.Н. Войновича. Автор полагает, что сатира как вид пафоса и репрезентация комического имеет конституирующий характер в сфере контаминации жанров антиутопии, квазиутопии, романа-анекдота.

Ключевые слова: антиутопия; демифологизация; квазиутопия; пародия; роман-анекдот; сатира.

Введение. Экзистенциальная диалектика жанровой системы обусловлена наличием в ней статических и динамических признаков. Вопросы теории сатиры как социально-эстетического феномена в целом и вида комического, в частности, находятся в сфере исследовательских интересов критиков и теоретиков литературы достаточно давно: классическая теория сатиры формируется на основе концепций эстетики Гегеля и Шиллера. Важным формообразующим элементом сатиры признается неприятие несовершенства действительности, противопоставляемой идеалу – высшей реальности, что проецируется на образную структуру сатирических произведений: ее основой становится антитеза «малое (человеческие пороки и слабости) – большое (сфера идей и идеалов)».

Материалы и методы. Материалом анализа служит роман В.Н. Войновича «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина». Методология представляет собой комплекс различных филологических методов: дедуктивный и индуктивный, сравнительно-сопоставительный, интерпретативный и др.

Обсуждение. В терминологической системе науки о литературе одним из наиболее спорных вопросов остается феноменология сатиры, при этом параметры данного явления, его изменчивость в процессе развития литературы изучены далеко не полно. В статье «Сатира» М.М. Бахтин отметил многозначность этого понятия: «Сатира – 1) определенный стихотворный лиро-эпический жанр, сложившийся и развивавшийся на римской почве и возрожденный в новое время неоклассиками; 2) другой менее определенный смешанный (с преобладанием прозы) чисто диалогический жанр, возникший в эллинистическую эпоху в форме философской диатрибы, преобразованный и оформленный циником Мениппом (VI в. до н.э.); 3) определенное (в основном отрицательное) отношение творящего к предмету своего изображения (т.е. к изображаемой действительности), определяющее выбор художественного изображения и общий характер образов» [1]. Д.С. Лихачев развивает концепцию М. Бахтина, разносторонне исследуя специфику русской народно-смеховой культуры [2]. Осмысление генезиса национального типа карнавальности позволяет выявить тот культурно-исторический архетип, который реализован в русской культуре и литературе первой трети XX в. На наш взгляд, особой значимостью обладает идея Д.С. Лихачева об утрате карнавалом праздничной сущности и, как следствие, его превращении в сатирическое обличение несправедливого мира.

Создание художественной картины мира осуществляется писателем-сатириком с помощью типичных приемов, специфических для поэтики карнавала (гротеск, фантастика, пародия, каламбур), средств типизации (овеществление, опредмечивание живого, одушевление вещного, зооморфизм), а также мотивов двойничества, шутовства. Несомненно, риторические аспекты [3–5] имеют важное значение для осмысления тех жанровых доминант, которые характеризуют художественный мир не только отдельного произведения, но и творчества писателя в целом. Поэтика сатирического произведения характеризуется введением традиционно карнавальных образов – персонажей-масок. Генетическая связь карнавала, театра

и сатиры с архаическим мифом и ритуалом остается прозрачной, что в целом реализуется в синтезе театрализации и карнавализации как двух тенденций поэтики XX в.

Для теории литературы концептуально важным является решение вопросарепрезентации сатирического пафоса и сатиры как одного из средств комического в различных жанрах. Одной из значимых проблем в данной сфере становится выяснение связей сатиры с жанром литературной антиутопии на основе критического отношения к действительности и использования для выражения авторских идей элементов фантастики и аллегоричности художественных образов.

В мировой художественной литературе встречаются не только утопии, жанровой доминантой которых является повествование «об идеальном обществе», и антиутопии как их содержательная противоположность, но и многочисленные произведения, которые соответствуют определенной утопической концепции, принадлежа при этом к разным жанрам. «Тексты, лишь отчасти использующие утопические мотивы и приемы» С.Г. Шишкинаназывает «*квазиутопиями*», а «внелитературные тексты (политическая литература, журналистика, трактаты, эссе и т. д.) – *умозрительными утопиями*». Кроме этого, исследователь предлагает различать эпифеномены утопии: *антиутопию* как *негативную модель* и *контрутопию* как позитивную модель, построенную в ответ на другую позитивную модель» [6]. Представленная парадигма может быть расширена за счет введения термина *негативная квазиутопия*, который дефинирует *тексты, лишь отчасти использующие антиутопические мотивы и приемы*.

Роман В.Н. Войновича «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина», в авторском жанровом определении «роман-анекдот», эксплицирует явные черты негативной квазиутопии. Роман-анекдот, базируясь на принципах иронии и смеховой культуры [7], позволяет глубже ощутить комичность и абсурдность художественного мира. Несомненно, основу сатиры Войновича составляет пародия, которая определяет стилевой вектор романа. Пародия организует координаты поэтики романа о Чонкине, пронизывая не столько конкретные образы, сколько характеризуя само мироощущение автора. Основнымисатирическими приемами следует признать языковую игру, цитирование, аллюзии, реминисценции, клише, который позволяют представить художественный мир во всем его многообразии. С помощью пародирования и связанных с ним гротеска, гиперболы, иронии Войнович решает главную задачу романа о солдате Чонкине – показать утопичность построения коммунизма в СССР. В.Н. Войнович создает абсурдный мир, который, являясь фантастичным по своей природе, тем не менее, образно характеризует советскую действительность. Такое парадоксальное сочетание тенденций условности и жизнеподобия [8] объективирует процесс демифологизации, характерный для современной культуры в целом, что репрезентировано, в частности, и в жанрах антиутопии и негативной квазиутопии.

Процесс демифологизации приобретает особое значение в случае обращения к идеологической системе тоталитарного общества, каковым, по определению, является социум, изображаемый В.Н. Войновичем в романе. Любая идеология, а особенно тоталитарная, несомненно, представляет собой мифологизированное идейное образование: её смысловой центр составляет искусственно созданная картина мира, правильность которой не подлежит сомнению, в неё полагается только верить. Именно через идеологию реализуется мифологизация общественного сознания, средством манипуляции которого в таком случае становится миф политический. Ясно одно: процесс развития тоталитарного общества осуществляется на основе идеологизации мифа и мифологизации идеологии. Именно комплекс советских мифов и идеологием становится сферой реализации сатирического пафоса и применения различных приемов комического в романе В.Н. Войновича.

С первых страниц романа автор развенчивает ***мифы о процветании страны Советов***. Этому способствует расширение персонажной сферы, которая обозначает многоуровневый характер образной структуры романа. Так, образ председателя Голубева, которого советская действительность сделала человеком вечно сомневающимся, постоянно ждущим сверху указаний, занимающийся постоянными приписками в отчетах, характерными для всей бюрократической системы – начиная от председателя колхоза, кончая высшим руководством страны, фактически уничтожает ***миф о колхозной системе, главной целью которой является богатая и счастливая жизнь советского крестьянина***. Например, беседа с бывшим заключенным Лешкой Жаровым подводит Голубева к мысли о том, что в тюрьме жить лучше, чем в деревне: «Работают по

девять часов, а здесь ему приходится крутиться от зари до зари, кормят три раза в день, а здесь не каждый день и два раза успеешь поесть. Кино здесь он уже с полгода не видел» [9].

Миф о Советской Армии как самой боеспособной и гуманной подвергается остракизму посредством целого ряда колоритных художественных образов – среди них особняком представлен «блудный сын» писателя – Чонкин, объект издевательств его сослуживцев и непосредственного начальника, старшины Пескова, который муштрует его в духе царской армии. Чонкина считают «самым плохим и ненужным солдатом». С целью избавления от него воинской части его командируют охранять сломанный самолет. Однако дальнейшее развитие сюжета романа показывает, что Чонкин наделен типичными чертами русского характера, позволивших русскому народу выстоять в самой кровавой войне XX века. Чонкин отличается от окружающих своим простодушием, беззащитностью, наивностью, добросердечием, абсолютно не прагматичен, бесхитроуен. Он трудолюбив, ловок в крестьянской работе. Его идеалы не соответствуют историческому времени: он не мечтает о военной карьере, о порабощении других народов, о победе мировой революции. Самым ценным в Чонкине является то, что на него не действует гипноз тоталитаризма.

Образы командиров воинской части (дежурный по части капитан Завгородний, инженер полка Кудлай, командир полка подполковник Опаликов), где служил Иван Чонкин, забывших своего подчиненного и военный самолет во время войны, позволяют Войновичу подчеркнуть неподготовленность к обороне страны младшего и среднего командного состава. Образ генерала Дрынова, всегда выбиравшего «из всех возможных решений самое глупое», сделавшего за короткий срок головокружительную карьеру благодаря доносу на своего командира батальона, показывает неподготовленность высшего командного состава армии к военным действиям, а яркий эпизод с использованием белых маскхалатов на фоне летней зелени при штурме полком РККА Чонкина демонстрирует отсутствие необходимого вооружения у Красной Армии.

Образы капитана Миляги, майора Фигурина, а также образы сотрудников Учреждения (лейтенанта Филиппова, сержанта Свинцова) ставят под сомнение целый **комплекс мифов – о необходимости классовой борьбы; о честности и преданности высоким идеалам и народу органов НКВД; о доносах как проявлении бдительности советских граждан.** Характеристики этих персонажей в целом вписываются в рамки щедринской сатирической традиции. Войнович указывает, что «прошло несколько дней с тех пор как исчезло ведомство капитана Миляги (все учреждение пленил Чонкин – М.П.), но в районе никто не заметил. И ведь пропала не иголка в сене, а солидное Учреждение, занимавшее в ряду других учреждений весьма заметное место. Такое Учреждение, что без него вроде шагу ступить нельзя. А вот пропало, и все, и никто даже не ойкнул. Люди жили, работали, рождались и умирали, и все без ведома соответствующих органов, а так, самотеком» [10] (Курсив наш. – М.П.).

Миф о гениальности, непогрешимости Сталина как «отца народов» является сквозным для всех трех частей романа, причем первые две части подготавливают его развенчание, а в третьей части он окончательно разрушен. Конечно, образ Сталина дан контурно и схематично: он, скорее всего, напоминает политического деятеля, а героя анекдота. Но постоянная параллель с Гитлером углубляет характеристики данного персонажа. Презрение Сталина и Гитлера к своим народам, недоверие к профессиональным военным, нетерпимость к чужим недостаткам характеризуют тоталитарные системы в целом, выявляя их главную черту – уверенность в собственных непогрешимости и превосходстве. В.Н. Войнович утверждает важную мысль о том, что к власти в тоталитарных государствах могут прийти только лидеры, способные продуцировать системность абсурда, который нацелен на деформацию общественного сознания и психики самих «творцов» этой действительности (см. в связи с этим: [11, 12]).

В образе Кузьмы Матвеевича Гладышева пародируется **мичуринское и лысенковское движения**, что позволяет В.Н. Войновичу раскрыть специфику данной идеологии. Гладышева знали во всей округе как ученого, о чем фактически говорит только вывеска на уборной, «стоявшей у него в огороде, где большими черными буквами было написано «Watercloset». В его голове – множество никому не нужных сведений, а бесперспективность его научных экспериментов подтверждает попытка Гладышева вывести гибрид картофеля и помидора названный «в духе того великого времени» – «Путь к социализму» («ПУКС»), впоследствии успешно переименованный в угоду политической

конъюнктуре в «Путь к национал-социализму». Результат эксперимента один: Гладышев вынужден был ежегодно закупать картошку и помидоры на зиму. Чем не пародия на советскую страну, имеющую большое количество плодородной почвы, но закупавшей в 1970–1980-е годы продовольствие за границей.

Вскрывая природу человеческой глупости, автор показывает, до чего может довести тоталитарный режим, который сознательно отучает человека думать. В. Войнович подчеркивает, что только полная свобода может быть единственным условием, позволяющим создавать действительно разумное и счастливое общество. Сознание человека, попавшего в ловушку запретов, извращается и уродуется, вследствие чего предоставление формальной свободы явно недостаточно для настоящего освобождения. Примером этого может служить типичная для своего времени судьба Люшки Мякишевой, в которой Войнович подвергает пародированию **стахановское движение**, манифестируя основные составляющие данной идеологии: *«Люшка родилась и выросла в бедной крестьянской семье. До коллективизации она не могла стать знаменитой дояркой, поскольку полудохлая коровенка, бывшая в хозяйстве, рекордных надоев не давала. В колхоз Люшка записалась одна из первых»* [13]. Писатель не только указывает главный фактор, позволивший Люшке стать ударницей, – кулацкие коровы, которые всё еще продолжали доиться обильно, но и сатирически описывает ритм жизни героини, которой некогда теперь бывать в родном колхозе. Кроме того, *«возникло и ширилось так называемое мякишевское движение. Мякишевки (появилось такое название) брали обязательства, заполнили верховные органы, делились опытом через газеты и красовались на экранах. Коров доить стало совсем некому»* [14].

Итак, В. Войновичу удалось в своем романе «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина» подвергнуть сатирическому осмыслению и пародированию все основополагающие мифы и идеологии советского государства. На наш взгляд, именно демифологизация явилась отправной точкой контаминации признаков различных жанров в данном произведении на основе принципов сатиры.

Результаты и выводы. Специфика современного литературного процесса осознается, прежде всего, в сфере поиска новых жанровых форм, которые могут возникать посредством взаимодействия наиболее актуальных жанровых признаков, фиксирующихся эстетической рецепцией и интерпретацией. Очевидно, что новые жанровые образования должны отражать аксиологический компонент наряду с другими, общезначимыми фрагментами художественного мира, воплощенными в конкретном произведении, художественном мире писателя, эстетической практике литературного направления. С наибольшей четкостью объединение и совмещение жанровых признаков в романе В.Н. Войновича о Чонкине отражено на уровнях художественного пространства и художественного времени в единстве функционирования хронотопа, системы персонажей, а также в особенностях реализации пародирования как смысло- и сюжетообразующего фактора художественного мира. Автор как талантливая «литературная личность» [15, 16] использовал различные жанровые формы, в том числе и контаминации жанровых признаков на основе общности проблематики, направления авторской интенции, эпического характера художественного мышления, а также типов художественного вымысла. Сатира как один из векторов мировоззрения писателя находит свое адекватное отражение в символизации, метафоризации и аллегоризации повествования, свойственных его творческому методу.

Примечания:

1. Бахтин М.М. Сатира // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т.5. Работы 1940-х начала 1960-х годов. М.: Русские словари, 1987. 730 с. С. 7.
2. Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984. 295 с.
3. Шульженко М.Ю., Клементьева Е.В. Риторические аспекты художественного произведения // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2008. №11. С. 108–115.
4. Ромашенкова Е.С. Идиостиль литературной личности как детерминант лингвориторической картины мира художественного дискурса // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2007. №8. С. 91–95.

5. Ворожбитова А.А. Текст как синергетическая структура лингвориторического характера // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2003. №2. С. 25–34.
6. Шишкина С.Г. Истоки и трансформация литературной антиутопии XX века. Иваново: Иван. гос. хим.-технол. ун-т, 2009. 229 с. С. 38.
7. Кузнецова Анна В. Языковая игра и ирония в лингвориторическом сценарии художественного текста // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2012. №17. С. 62–68.
8. Хализев В.Е. Теория литературы. М.: ВШ, 1999. 398 с. С. 92–96.
9. Войнович В. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина. М.: ЭКСМО, 2007. 320 с. С. 73.
10. Войнович В. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина. М.: ЭКСМО, 2007. 320 с. С. 185–186.
11. Ворожбитова А.А., Кегеян С.Э. Идиодискурс И.В. Сталина как продукт речемыслительной деятельности «тоталитарной идеологической машины» // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2007. №10. С. 51–58.
12. Ворожбитова А.А., Кегеян С.Э. Проблематика типологии языковой личности в аспекте анализа идиодискурсов вождей-идеологов большевизма // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2007. №10. С. 54–58.
13. Войнович В. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина. М.: ЭКСМО, 2007. 320 с. С. 134.
14. Войнович В. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина. М.: ЭКСМО, 2007. 320 с. С. 136.
15. Ворожбитова А.А. «Языковая личность» и «литературная личность» как лингвориторические категории // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2007. №8. С. 22–44.
16. Ворожбитова А.А. Основы лингвориторической теории литературной личности // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2004. №4. С. 12–19.

UDC 82-313.2

The Phenomenology of Satire within the Modern Literary Process: Contamination of Genres

Michael V. Pokotylo

Rostov State University of Railway Transport, Russian Federation
344038, Rostov-on-Don, Rostov Infantry Regiment of the People's Militia St., 2
PhD
E-mail: mihail.pokotylo@yandex.ru

Abstract. The article adopts the concepts put forth by M. M. Bakhtin and D. S. Likhachev to interpret satire by using literary examples from the works of V. N. Voinovich. The author proposes that satire, as a type of pathos and a representation of what is comical, has a constitutive character in terms of contaminating the genres of dystopia, quasi-utopia and the novel-anecdote.

Keywords: dystopia, de-mythologisation, quasi-utopia, parody, novel-anecdote, satire.